

Виктор Темушев

К вопросу о московско-литовской границе XV в. (владения князей Крошинских)

Можайско-вяземский участок границы между Великими княжествами Московским и Литовским в 1403 – 80-е гг. XV в. был наиболее устойчивым. Очевидно, именно в этом причина того, что реконструировать его крайне сложно. Конфликты, которые случались на московско-литовском пограничье (1406, 1408, 1445 гг.), хотя и касались Вязьмы или Можайска, но не выявляли их границ.

31 августа 1449 г. между Великими княжествами Московским и Литовским был заключен договор о «вечном мире», определивший московско-литовскую границу и сферы влияния в восточноевропейском регионе двух государств¹. Характерно, что договор 1449 г. подробно очерчивал спорные московско-литовские отрезки границы (например, на ржевско-торопецком направлении); определял владельцев мелких владений, которые переходили в московскую или литовскую сторону; перечислял регионы, на которые распространялась власть или влияние московского или литовского великих князей, но многочисленных вяземских князей, даже саму Вязьму, не упоминал. Безусловно, Вязьма и вяземские землевладельцы скрывались за формулой «ни у Смоленъскъ, ни во вси Смоленские места, што издавна к Смоленъску потягло... не вступатисе»², и игнорирование восточной окраины Смоленской земли свидетельствовало о стабильном характере ее границы с московскими владениями. Однако в связи с этим мы упускаем возможность очертить протяженность можайско-вяземского участка московско-литовской границы. Такую возможность мы не получаем и рассматривая следующий московско-литовский договор, также о «вечном мире» («перемирье вечное»), 1494 г. В результате московско-литовской войны, Вяземское княжество полностью было присоединено к Москве, но масштаб присоединенной территории, ее протяженность, границы в грамоте не обозначались. Очевидно, массив Вяземского княжества полностью, без исключений, отошел к Москве³, поэтому определение его территории не

1 *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв.* М.; Л., 1950. (Далее – ДДГ) № 53. С. 160-163.

2 ДДГ. № 53. С. 160.

3 Характерно заявление московских бояр литовским послан: «ино Вязме всей пригож бытии за нашим государем» (*Памятники дипломатических сношений Московского*

являлось необходимым. Но, таким образом, мы, вероятно, теряем еще один шанс определить первоначальную московско-литовскую границу, отрезок которой на можайско-вяземском направлении стал одной из первых точек прямого столкновения двух государств.

Необходимо заметить, что и с московской стороны географических ориентиров, определяющих вяземскую границу, крайне мало. Традиционно представлялось, что московско-литовская граница в данном регионе проходила по реке Гжать и ее притоку Яузе⁴, которых достигали можайские волости Болонеск (вокруг бассейна притока Гжати речки Оболонки), Загорье и Пневичи. Однако локализации последних двух волостей выполнены на очень зыбкой основе. Дело в том, что рассматриваемый регион почти лишен определяющих его источников. Причина этому – «литовские разорения» XVI – начала XVII в., когда большое количество населенных пунктов и целые волости и станы исчезли с лица земли⁵. Таким образом, очень удобный метод исторической географии – ретроспекция – теряет свое значение для вяземско-можайского пограничья. Часть можайских волостей упоминалась в духовных грамотах Дмитрия Донского, Ивана III (вместе с присоединенными к их числу вяземскими), Ивана IV и др., но писцовых описаний западной части Можайского уезда XVI в. не сохранилось, а в XVII в. уже не было что описывать.

Реконструкция московско-литовской границы на вяземском направлении становится возможной благодаря локализации владений многочисленных вяземских князей (собственно Вяземские, Бывалицкие, Козловские, Жилинские, Глинские, Крошинские).

Существует мнение о том, что после присоединения Вяземского княжества к ВКЛ (1403 г.), владения местных князей остались в неприкосновенности⁶. Однако великокняжеская власть все-таки вмешивалась в поземельные дела вяземских князей, поэтому, например, среди вяземских землевладельцев мы встречаем пана Яна (Ивана) Ходкевича, которому принадлежала хлепеньская

государства с Польско-литовским. Т. 1. (С 1487 по 1533 г.). *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 35. СПб., 1882. (Далее – СБРИО.) С. 119).

4 См., например, карту И. Голубцова «Ликвидация феодальной раздробленности и татарского ига, присоединение к Русскому государству исконных русских земель» (Базилевич К.В. *Внешняя политика Русского централизованного государства (Вторая половина XV века)*. М., 1952. Вкладыш).

5 Описание 1594-1595 гг. Каменского и Бывалицкого станов (Павлов-Сильванский В.Б. Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI века. *Археологический ежегодник за 1959 г.* М., 1960. С. 97). Сведения о станах и волостях Можайского уезда на середину XVII в. (Готье Ю.В. *Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси*. М., 1937. С. 387-389).

6 Кром М.М. *Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в.* М., 1995. С. 53-54.

волость Рогачев⁷. Гедиминовичами, возможно, были князья Крошинские, которых выводят от князя Ивана сына Войдата Кейстутовича⁸. Также князья Глинские, вероятнее всего, были не местного происхождения⁹.

Можно предположить, что наделение вяземскими землями верных великому князю литовскому людей осуществлялось целенаправленно с расчетом обеспечить оборону крайних восточных пределов государства. Поэтому мы и видим вотчину пана Ивана Ходкевича (волость Рогачев – крайний северо-восток Вяземской земли)¹⁰ на самой границе с московской Ржевской и тверской землями, в контакте с землями ненадежных фоминско-березуйских князей. Князья Глинские при этом владели вотчинами в противоположной части Вяземщины – на крайнем юго-востоке (волости Турье¹¹, Судилово¹², Шательша¹³). Эти их волости размещались компактно в верховьях р. Вори, растянувшись от р. Жижалы (приток Угры) до р. Желоньи (приток Истры).

Местонахождение вотчин местных, коренных вяземских князей (собственно Вяземские, Бывалицкие, Козловские, Жилинские) определяется, в основном¹⁴, в стороне от границы, в глубине Вяземского княжества. Таким образом, мы вновь встречаемся с невозможностью определить большую часть восточной вяземской границы.

Теперь настало время обратиться к сознательно пропущенным нами вяземским землевладельцам князьям Крошинским. Их судьба ярко иллю-

7 *СБРИО*. Т. 35. СПб., 1882. С. 72.

8 J. Wolff, *Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku* (Kraków, 1895) [Warszawa, 1994], 190-193. Происхождение прозвания князей Крошинских связывается с Крошино – именем, местечком между Новгородком и Ляховичами в Новгородском повете ВКЛ. Впервые упоминается в 1442 г.

9 Род князей Глинских историки и геральдисты выводят от татарского князя Leksady, который в правление Витовта прибыл в Литву и после крещения принял имя Александра, а, получив Глинск и Глинницу, назвался Глинским. В XV в. известно несколько представителей литовской знати с прозванием Глинские, их трудно между собой связать и они дали начало четырем отдельным ветвям рода. (A. Boniecki, *Poczet rodów w Wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku* (Warszawa, 1887), 63).

10 Не нужно путать хлепенский Рогачев с одноименным белорусским городом, как это делалось в XIX в. (Дембовецкий А.С. *Опыт описания Могилевской губернии*. Кн. 2. Могилев, 1884. С. 94).

11 Турьев духовной Ивана III находился, вероятно, в районе речки Турей (на него в 1488 г. напали люди удельного можайского князя Андрея Васильевича).

12 Судилово духовной Ивана III; отождествляется с современным Судимовым.

13 Шатешь в духовной Ивана III; современная Шатеша на р. Воре (Любавский М. К. *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута*. М., 1892. С. 283; *ДДГ*. № 89. С. 355).

14 За исключением волостей Могиленки, Негодин и Миценки старшего вяземского князя Михаила Дмитриевича.

стрирует события начала московско-литовского противостояния, когда множество пограничных князей были лишены своих владений и отменены в глубину ВКЛ. Наблюдение за событиями, связанными с князьями Крошинскими, в этом случае может служить примером.

На первом этапе войны (1486/87–1492 гг.) великокняжеская центральная власть обеих сторон открыто не вмешивалась в ход боевых действий. Именно этот этап может быть охарактеризован как “странная” или “хитрая” война. Характерным было оказание давления на пограничных князей (часто своих родственников) и занятие близких к границе земель. Бесконечные погромы, грабежи, увод в плен населения, захваты целиком волостей создавали атмосферу безвыходности ситуации, в то же время как великий князь литовский ничем не помогал своим подданным¹⁵. Однако, несмотря на это, подавляющее большинство вяземских князей осталось верным своему государю. Известен только один случай, когда вяземский князь Андрей Юрьевич, во владении которого находилось только одно село на Днепре, дворы и люди в Вязьме, перешел на сторону Москвы¹⁶.

Возможно, вплоть до 1486/87 гг. на можайско-вяземском участке московско-литовской границы и не могло возникнуть очага конфликта. Если между литовскими (смоленскими) и тверскими владениями шло активное взаимодействие (что отражено в договорных грамотах)¹⁷, то между литовскими и московскими (можайскими) землями долгое время, видимо, попросту не было соприкосновения. Сигизмунд Герберштейн утверждал, что «во времена Витольда владения государей московских простирались на пять-шесть миль за Можайск» («...на шесть миль не доходили до Можайска»)¹⁸. Ситуация, возможно, изменилась в 1473 г., когда Можайск неожиданно получил в довесок к уделу московский князь Андрей Васильевич¹⁹. Он (а, может быть, и до него удельные князья Андрей Дмитриевич

15 Второй этап войны (1492–1494 гг.) наполнен действиями московских воевод и служилых князей и имеет совсем другой характер. Удары наносятся по ключевым центрам литовской власти, захватываются основные города региона (Вязьма, Мезецк, Мосальск, Серпейск).

16 *Lietuvos Metrica – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика*. V., 1994. Кн. 5: (1427–1506), 67; *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским*. Т. 1. С. 81.

17 Договор 1427 г.: ДДГ. № 23. С. 62–63; *Lietuvos Metrica – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика*. Кн. 5. № 140, 257. Договор 1449 г.: ДДГ. № 83. С. 329; *Lietuvos Metrica – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика*. Кн. 5. № 141. С. 259; № 78.2, 134.

18 Герберштейн С. *Записки о Московии*. М., 1988. С. 144. Это замечание не совсем верно. Известная с конца XIV в. волость Тушков находилась на запад от Можайска на значительно большем расстоянии, чем 6 миль.

19 Многократно правленный список текста договорной грамоты Ивана III с князем Андреем Васильевичем сначала вовсе не содержал никакого пожалования великого

Можайский (1389–1432), Иван Андреевич (1432–1454), Юрий Васильевич Дмитровский (1462–1471)) начал активную колониционную политику и довольно скоро продвинулся к литовским владениям. Вероятно, вплоть до территории, непосредственно занятой подданными ВКЛ, князь Андрей не нашел сколько-нибудь ценных в хозяйственном плане земель. Здесь господствовали леса и болота. Прямой контакт с территорией ВКЛ Андрея Васильевича не только не остановил, но наоборот, прибавил энергии, так как теперь появилась возможность заселять и присоединять к своим владениям уже освоенные земли. Очевидно, в других частях своего удела (Углич, Бежецкий Верх, Звенигород и др.) удельный князь Андрей не мог так активно увеличивать свои владения. Здесь же вмешательство в дела соседнего государства могло быть, во-первых, поощрено со стороны центральной власти, а, во-вторых, остаться безнаказанным со стороны ВКЛ. Все, что смогли предпринять князья Крошинские, на вотчину которых и был направлен интерес московского удельного князя, – это жалобы в посольских речах. Наступление Великого княжества Московского развивалось так стремительно, что князья Крошинские, утратив одни свои владения, успели получить другие (в районе р. Угры) и вскоре потеряли и их.

Характерно, что едва придвинувшись к вяземским землям, московская сторона стала предъявлять на них претензии, как на исконные можайские земли²⁰. Целый ряд волостей был объявлен тянущим к Можайску и, тем самым, в общем-то, захватнические цели приобретали легитимный характер с опорой на традицию, старину. Довольно скоро в составе можайских мы видим волости, еще совсем недавно составлявшие массивы владений князей Крошинских²¹, Глинских, Вяземских.

Действия удельного князя Андрея Васильевича, очевидно, не только поощрялись, но и направлялись центральной властью. Так, после военных

князя своему удельному брату. Но в последнем варианте грамоты обнаружилась формулировка: «...и что яз, князь велики, пожаловал тебя...», в которой сначала появилась прибавка к уделу Андрея «Колуги», затем переправленной на Можайск (ДДГ. № 70. С. 248).

20 После жалобы князя Михаила Вяземского на то, что у него отняли земли к Можайску, Иван III в ответе литовским послам привел якобы слова князя Андрея Можайского о том, что последний «у князя у Михайла у Вяземского земель к Можайску не имывал, а ведает и держит земли, которые издавна к Можайску потягли к нашему великому князству Московскому» (*Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским*. Т. 1. С. 6).

21 Иван III прямо говорил литовскому послу Тимофею Мосальскому, обращаясь к Казимиру: «что тебе били челом Крошинские князи, Филип да Костантин з братье о Тешинове, да о Сукрумне, да о Олховце, да о Надславле, да об Отъездце, на нашего дьяка на Василья на Долматова: ино те места, сказывают, издавна тянут к Можайску к нашему великому князству Московскому» (*Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским*. Т. 1. С. 6).

операций можайского князя (нападения 1487–90 гг. на волость Ореховну (Ореховскую) князя Михаила Глинского, волости Могилен, Негодын и Миценки, двор и волость Дуброву (Дубровскую) князя Михаила Дмитриевича Вяземского, на хлепенскую волость Ждат, волости князей Крошинских, волость Турье князей Глинских и др.) в игру вступили официальные московские власти. Организацией заселения недавно отнятых владений князей Крошинских занимался дьяк великого князя Василий Долматов. Он «посадил» в волостях Ольховец, Лела и Отъезд более 200 семей, а в Тешинове и Сукроме более 300 семей крестьян из Великого княжества Московского²².

Ту же политику, что и князь Андрей Васильевич, проводил его сосед удельный князь тверской Иван Молодой. Он также совершал разорительные набеги на соседние со своими литовские владения, захватывал и оставлял за собой окрестные волости. (Жалобы 1488 г. – нападения и грабеж Хлепена, волостей Труфонов, Негомир и Сочовки; жалобы 1490 г. – «выбрали и выжгли» хлепенские волости Джать, Понизовье, то же вновь с волостями Труфонов, Негомир и Сочовки; жалобы 1492 г. – «засели» Хлепень и Рогачев²³. И снова прозвучало заявление, что Рогачев – «волость изстаринны нашия отчины Тферские земли», а Хлепень «в старых докончаньх предков наших и в отца его королеве докончанье записан к нашему великому княжеству»²⁴).

Князья Крошинские, лишившись своих владений, не бросили службу великому князю литовскому. Вскоре они получили новые владения и тоже возле границы (в районе р. Угры): Залоконье, Волста [Нижняя], Кльпино, Нездилово, Чарпа, Головичи²⁵. Однако уже в 1494 г. перечисленные волости фигурировали в составе владений князя Семена Федоровича Воротынского – перебежчика на московскую сторону (в 1492 г.)²⁶. Правда, московские бояре уступили перечисленные волости ВКЛ²⁷ и до следующей московско-литовской войны 1500–1503 гг. они находились по-прежнему в составе ВКЛ. И вот после 1500 г. Крошинские снова потеряли свои владения. Лишившись земельных владений, они получили в Смоленске выгодную должность казначея (Константин Федорович – в 1506 г., Тимофей Филиппович – в 1507–1508 гг.). Князь Тимофей Филиппович был способен за собственные деньги приобретать владения (в 1507 г. состоялось подтверждение купли им у смоленской боярыни Орины «делницы села ее отчизного»²⁸). Характерно,

22 *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским*. Т. 1. С. 74.

23 Там же. С. 16, 49, 73.

24 Там же. С. 77.

25 Там же. С. 118–119, 136.

26 Там же. С. 136.

27 Там же. С. 120.

28 *Lietuvos Metrica – Lithuanian Metrica – Литовская Метрика*. V., 1994. Кн. 8: (1499–1514), 229.

что князь Константин Федорович Крошинский получил двор Дубно в Городненском повете «до очишченья отчизны его в Смоленску»²⁹. По тексту подтверждения на двор Дубно, узнаем, что у князя Крошинского «именеица его остали ся вбогие около Смоленска, ино тые именеица от неприятеля жо на корень скаженны»³⁰.

Таким образом, князья Крошинские, несмотря на удары судьбы, остались одними из самых надежных для великого князя литовского поданными, не известно ни одного случая их перехода на московскую сторону.

Попытки локализовать владения князей Крошинских до настоящего времени не делались. М.К. Любавский только неопределенно заметил, что они лежали по соседству с можайскими³¹. То же самое писал Я. Натансон-Леский («...na możajskim pograniczu włości kn. Kroszyńskich»)³². Такой вывод можно сделать, обратившись к посольским речам, в которых московская сторона, например, заявляла, что «ино те места, сказывают, издавна тянут к Можайску к нашему великому княжеству Московскому» (имелись в виду волости Крошинских Тешиновичи (Тешинов), Сукромна (Сукрома), Ольховец, Надславль, Отъездец (Отъезд), Лела)³³.

Некоторые вяземские волости действительно появились в числе можайских (в духовной грамоте Ивана III³⁴), но волостей Крошинских князей среди них не было. Только из грамоты 1530 г. мы узнаем о существовании Сукроменского стана в составе Старицкого уезда, холмских волостях Старый и Новый Отъезд³⁵. Позже стан Отвотский и Сукроменский обнаружился в Можайском уезде. Вероятно, Сукромна была разделена надвое между двумя уездами – Старицким и Можайским.

Среди можайских известен также стан Тешинов и Загорье³⁶. Таким образом, в один стан были объединены московская волость, известная со времен Дмитрия Донского (упоминается в духовной грамоте этого князя)³⁷ и волость князей Крошинских. Несмотря на то, что развести две части позднейшего стана невозможно, тем более что и сам объединенный стан

---

29 Ibidem, 168.

30 Ibidem.

31 Любавский М.К. *Областное деление*. С. 284.

32 J. Natanson-Leski, *Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej*. Cz. 1: *Granica Moskiewska w epoce Jagiellońskiej* (Lwów–Warszawa, 1922), 73.

33 *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским*. Т. 1. С. 6.

34 Например Могилен, Миценки, Сулидов, Ореховна, Чягощ и др. (*ДДГ*. № 96. С. 397–398).

35 *ДДГ*. № 102. С. 421.

36 Готье Ю.В. *Замосковный край в XVII веке*. С. 574.

37 *ДДГ*. № 12. С. 34.

локализовать сложно, мы все же можем сделать вывод о протяженности владений ВКЛ за реку Гжать, на восток от которой находился стан³⁸.

Рядом с Тешиновичами находилась хлепенская волость Ждат (позднейший Гжацкий стан Зубцовского уезда на правобережье р. Гжати при впадении ее в Вазузу), так как «с Тишиновши» князь Андрей Васильевич прислал в 1487 г. своего тиуна дворского для разорения соседней волости³⁹. Очевидно, к этому времени волость князей Крошинских Тешиновичи была уже в руках Москвы⁴⁰.

На север от Сукромны располагался Можайский стан Оленский. Он также был опустошен в Смутное время, но неуверенная его локализация между верховьями рек Москвы и Яузы⁴¹ уточняется поисками на карте. Недалеко от устья Яузы находим ее приток Олелю, вокруг которой, вероятно, и размещался Оленский стан. Созвучие названия позволяет отождествить этот стан с волостью князей Крошинских Лелой через следующую цепочку Оленский–Олеля–Лела.

Чуть севернее находилась волость Сукромна, основной массив которой, видимо, занимал течение р. Сукромни (Сукромли) (правый приток р. Держи, которая сама является правым притоком Волги), от которой и получил название.

Остальные волости Крошинских (Ольховец⁴², Надславль, Отъезд), к сожалению, не поддаются локализации. Необходимо только заметить, что Отъезд, возможно, слился с Холмским уездом, который был преобразован в волость Старицкого уезда. Волость Холм примыкала с севера к Сукромне.

К сожалению, данные археологии не могут помочь при локализации владений князей Крошинских. Немногие известные селища и городища в рассматриваемом регионе трудно сопоставить с центрами волостей (городища древнерусского времени Спасское, Городок, городище XI–XVII вв. Карманово). Исследованных и обозначенных на карте археологических памятников на границах трех областей (Тверской, Смоленской и Московской) крайне мало. Возможно, будущие исследования дадут свои результаты.

Итак, волости князей Крошинских занимали пространство на восток от р. Гжать (приток Вазузы) по обеим сторонам р. Яузы (правый приток

---

38 Готье Ю.В. *Замосковный край в XVII веке*. С. 574.

39 Центр этой волости, видимо, несправедливо отождествляют с Гжатском (Гагариным) на р. Гжать, центром района Можайской области.

40 *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским*. Т. 1. С. 2.

41 Там же.

42 Район изобилует болотами и кругом преобладает лиственная растительность – в основном осина и береза. Вокруг рассыпаны названия селений Осинки, Березки... Исключением является территория к северу от р. Олели в ее среднем течении. Здесь преобладающей является ольха. Название волости Ольховец явно производно от ольхи и, возможно, ее территория примыкала к Лели.

Гжати). Примерно через верховье р. Яузы параллельно Гжати проходила московско-литовская граница, точное определение которой невозможно из-за недостаточности сведений источников. Князья Крошинские, первоначально обладавшие какими-то имениями в центральной части ВКЛ (например, Крошино в Новгородском повете, от которого получили прозвание), после 1403–1404 гг. получили на новых рубежах государства, видимо, значительно более крупные владения. Вероятно, московские освоенные земли долгое время не подходили вплотную к их волостям. Но когда это, наконец, произошло, московская власть стала распространяться далее. Король польский и великий князь литовский Казимир не смог организовать оборону своих подданных. Владения князей Крошинских находились в сильном отдалении от основного массива освоенных земель ВКЛ, положение их обладателей было ненадежным, что и подтвердилось в самом начале московско-литовской конфронтации в 1486/87 г. – князья были попросту сметены с тех мест, которые «деды и отцы их дръжали, и они породилися на той своей отчине»⁴³.

Інстытут гісторыі НАН Беларусі

---

43 *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским*. Т. 1. С. 74.